

Поскольку миниатюрный коммуникатор в его ухе всё это время оставался включённым, Хо Линь и остальные в мельчайших подробностях услышали, как главарь банды захотел переспать с Шэнь Сюнем, а тот, рискуя своей невинностью, стойко терпел унижения и ни за что не соглашался.

Шэнь Сюнь здесь переживал кризис, грозивший его целомудрию, а Хо Линь с остальными там едва не умерли со смеху.

Они прекрасно понимали, что ситуация опасная, но это было слишком смешно — удержаться не получилось.

Этот случай стал одной из немногих по-настоящему позорных страниц в жизни Шэнь Сюня. Покидая Байци, он не раз и не два строго предупредил Хо Линя и остальных, чтобы те никому об этом не рассказывали.

И что они тогда ответили?

Прикрывая рты, чтобы не рассмеяться, они пообещали:

— Хорошо, не скажем. Никому не скажем.

— Не переживай, я умею держать язык за зубами.

— Мы же боевые товарищи. Я никому не расскажу.

...

А потом отвернулись — и всё узнал император.

Следом узнали его отец с матерью.

Даже Гу Юньюй оказался в курсе. Шэнь Сюнь окончательно потерял лицо и потом целых полмесяца ходил с таким выражением, что к нему никто не решался приближаться.

Хо Линь и остальные понимали, что виноваты, и при виде Шэнь Сюня старались обходить его стороной.

Так продолжалось до того дня, когда Шэнь Сюню присвоили звание генерал-майора. Тогда им волей-неволей пришлось встретиться с ним лицом к лицу. Шэнь Сюнь подошёл к Хо Линю с сияющей улыбкой.

— Генерал Хо, я слышал, ваш сын поступил на службу?

Хо Линь замялся:

— Ага, поступил.

Шэнь Сюнь улыбнулся ещё шире:

— Тогда помолитесь, чтобы он не попал ко мне. Я человек злопамятный и долги возвращаю.

От этой улыбки у Хо Линя по спине тогда пробежал холодок.

Позже, узнав, что его сына Хо Шу и правда распределили под начало Шэнь Сюня, Хо Линь

целый месяц жил как на иголках. Но ничего не происходило.

Во время одного из отпусков Хо Шу вернулся домой, и Хо Линь тут же оттащил его в сторону и спросил, не случилось ли с ним в последнее время чего-нибудь странного. Хо Шу нахмурился, не понимая, с чего отец вообще задаёт такой вопрос.

Но раз уж Хо Линь спросил, одна странность действительно была.

— Не знаю почему, но каждый раз, когда прихожу в столовую, у остальных блюда самые разные, а как очередь доходит до меня — остаются одни огурцы. Я месяц ел огурцы, скоро сам позеленею.

Хо Линь потерял дар речи, а потом с тяжёлым сердцем похлопал сына по плечу.

— Это отец тебя подставил.

Хо Шу:

— ???

Вот она, месть Шэнь Сюня!

Лишь когда прошло достаточно времени и все почти забыли об этой истории, Шэнь Сюнь наконец смог вздохнуть спокойно.

Он всерьёз боялся, что однажды его не слишком-то серьёзные родители вдруг скажут ему:

— Ты? И ты ещё хотел попробовать меня на вкус?

Однако позже, когда он попытался разузнать о человеке, который тогда указывал ему путь через наушник, император ответил, что тот не может с ним встретиться.

Шэнь Сюнь спрашивал два или три раза и каждый раз получал один и тот же ответ. В конце концов дело заглохло, и больше он о том человеке не расспрашивал.

И вот теперь Линь Яо стоял прямо перед ним и собственными устами сказал, что тогда это был именно он.

— Так почему же тогда ты не мог со мной встретиться?

Линь Яо ответил:

— Потому что на меня устроили засаду. После того как меня вытащили с того света, я держался на одном дыхании, меня отправили в лечебную капсулу. Я даже в сознание не приходил, каждый день жил на лекарствах и глюкозе. Как бы я с тобой встретился?

Шэнь Сюнь вдруг кое-что вспомнил:

— Твоя рана на пояснице?

Линь Яо кивнул:

— Да. Осталась как раз с того времени.

Когда он очнулся, то подал прошение и попросил императора разрешить ему вернуться на Голубую звезду для восстановления. Он уже много лет там не был.

В определённые моменты человек особенно сильно тоскует по родной земле, по месту, где появился на свет.

Тогда Линь Яо и сам не понимал почему, но ему очень хотелось вернуться на Голубую звезду.

Император дал разрешение, и Линь Яо в одиночку отправился обратно. После того как рана зажила, он ещё долго восстанавливался, а император не спешил вызывать его назад.

Так он и прожил на Голубой звезде семь лет.

И только теперь, к тридцатой годовщине победы в битве «Прорыв небес» 27 апреля, его вызвали обратно.

Шэнь Сюнь снова спросил:

— А почему, когда я прошёл тот тоннель и выбрался наружу, дядя Лу сказал мне, что ты уже ушёл?

Он действительно тогда долго стоял в оцепенении, услышав эти слова.

Линь Яо объяснил:

— Я так спешил туда, что проехал несколько красных. Пришлось идти платить штраф. Машину я бросил у входа в командный центр, даже дверь не закрыл.

Шэнь Сюнь дважды хмыкнул.

— Ладно. Хорошо ещё, что нам самой судьбой было предназначено встретиться, и я снова тебя нашёл.

Линь Яо вскинул бровь:

— Угу. Самой судьбой.

Шэнь Сюнь подвинулся в сторону, не отпуская руку Линь Яо, и спросил:

— Заберёшься ко мне и поспишь со мной, мой командующий?

Линь Яо посмотрел на его руку и без всяких церемоний высвободил свою.

— Нет. Сейчас ты мой бывший. Не забыл, Шэнь Сюнь?

Губы Шэнь Сюня чуть приоткрылись. Он посмотрел на опустевшую ладонь, слегка согнул пальцы; коже было прохладно, но будто всё ещё сохранялось тепло руки Линь Яо.

Про себя он пробормотал:

«Во всём виноват Гу Юньйюй. Не будь его, я бы сейчас обнимал Линь Яо во сне».

— Твоя комната рядом. Постель уже застелена, вещи разобраны.

Линь Яо дошёл до двери и обернулся.

— Я знаю. Только, похоже, пожить там не получится.

Он коснулся ладонью панели управления размером с ладонь у двери. Шторы автоматически закрылись, и комната погрузилась во тьму; лишь свет из коридора падал на Линь Яо.

В глазах Шэнь Сюня что-то мелькнуло.

— Разве ты не говорил, что не будешь со мной спать?

Кажется, Линь Яо тихо рассмеялся.

— Да. Меня семь лет не было, поэтому Его Величество назначил мне восстановительные тренировки. Начинаю завтра. Сегодня вечером перееду и буду жить при военном ведомстве.

Шэнь Сюнь:

— ...

То есть он заставил робота-дворецкого старательно убрать для Линь Яо комнату, разложить вещи и застелить постель.

А тот в итоге не проведёт там ни одной ночи?!

Едва заполучил любимого — и тот уже улетает!

Шэнь Сюню нечего было сказать. Линь Яо стоял в дверях, свет падал ему в спину; он помахал рукой.

— Спокойной ночи. Не забудь включить ночник, Шэнь-неженка.

Линь Яо не увидел, как Шэнь Сюнь недовольно надул губы. Он без колебаний закрыл дверь, и комната окончательно погрузилась во тьму.

Разумеется, Шэнь-неженка ночник не включил.

Если нельзя заставить Линь Яо пожалеть и побеспокоиться о том, как он боится темноты, тогда это уже не считается темнотой.

Прозвище «Шэнь-неженка» использовал только Линь Яо — он придумал его, когда поддразнивал Шэнь Сюня.

Тогда Шэнь Сюнь изображал из себя настоящую неженку: тяжёлого не поднимет, сумку не понесёт, в еде привередничает, темноты боится, холода тоже; засыпая, обязательно должен что-нибудь обнимать, а перед сном ему непременно нужна сказка.

Линь Яо сказал, что он похож на капризную неженку, и в шутку назвал его «Шэнь-неженкой».

Шэнь Сюнь обиделся, и тогда Линь Яо приготовил ему тушёную говяжьё грудинку с помидорами и картофелем.

Запах стоял невероятный. Он проплыл из кухни прямо в комнату и мгновенно разбудил аппетит Шэнь Сюня, так что тот тайком прокрался к кухонной двери.

В кастрюле всё весело булькало; чем ближе он подходил, тем сильнее пахло. Шэнь Сюнь

сглотнул слюну, а Линь Яо равнодушно скользнул по нему взглядом.

— Бери миску.

— Уже несу!

За две миски риса с тушёной грудинкой в томатах и картофеле Шэнь Сюнь был готов душу продать — до того было вкусно.

Он решил больше не спорить с Линь Яо. Пусть называет его как хочет.

С тех пор «Шэнь-неженка» стало личным прозвищем Шэнь Сюня у Линь Яо, хотя Линь Яо прекрасно знал, что на самом деле Шэнь Сюнь вовсе не такой уж избалованный.

Когда Шэнь Сюнь снова открыл глаза, в комнате по-прежнему царила тьма. Он зевнул, нащупал панель у кровати и раздвинул шторы. За окном мерцали огни, в небе сияли звёзды.

Уже стемнело.

Он сел, опираясь руками о кровать, и долго смотрел в окно, пока вдруг не почувствовал запах еды. После сна голова всё ещё плохо соображала.

Ему понадобилось несколько секунд, чтобы вспомнить: Линь Яо вернулся домой вместе с ним.

Шэнь Сюнь принял душ, переоделся и открыл дверь спальни. В воздухе витал аромат, по которому он так давно скучал, — точь-в-точь тот запах из воспоминаний перед сном.

Тушёная говяжья грудинка с помидорами и картофелем. Приготовленная Линь Яо.

Держась за перила, он спустился вниз. Гостиная была ярко освещена, из кухни доносился слабый шум воды.

Шэнь Сюнь остановился у кухонной двери и с некоторым сомнением открыл её, но Линь Яо там не было. Внутри стояла его мать, госпожа Су.

Услышав дверь, Су Цзисюэ обернулась, сунула Шэнь Сюню миски и велела отнести их на стол.

— Удачно проснулся, ужин как раз готов.

Сказав это, она прямо под взглядом Шэнь Сюня повернулась и достала из микроволновки блюдо с тушёной говяжьей грудинкой, помидорами и картофелем.

Обернувшись и увидев, что сын всё ещё стоит в дверях, Су Цзисюэ легонько пнула его.

— Я сказала отнести миски. Ты чего застыл? Дверь загородил.

Шэнь Сюнь уставился на блюдо у неё в руках и облизнул губы.

— Мам.

Су Цзисюэ отозвалась:

— А?

Шэнь Сюнь кивнул на блюдо.

— Ты приготовила?

Су Цзисюэ покачала головой.

— Нет. Когда я пришла, оно уже стояло на столе. Я только разогрела и заодно приготовила ещё пару блюд. Твой отец сегодня домой не вернётся, вот я и пришла к тебе перекантоваться за ужином.

Шэнь Сюнь молча отступил в сторону. Эта женщина вспоминала о собственном сыне только тогда, когда мужа не было дома, — приходила к нему «перекантоваться».

Су Цзисюэ поставила блюдо на стол и протянула Шэнь Сюню записку.

— Вот. Тебе ещё записку на столе оставили.

Она никак не могла понять, кто оказался настолько добрым, что приготовил Шэнь Сюню еду, пока тот спал, оставил записку и ушёл.

Почти всех друзей Шэнь Сюня она знала, и, чувствуя этот чудесный аромат, совершенно не представляла, кто из них умеет так готовить.

Шэнь Сюнь поставил миски на стол, взглянул на записку и улыбнулся. Потом спрятал её в нагрудный карман.

«Не забудь разогреть перед едой».

<http://bllate.org/book/21309/2263043>